

DOI 10.15593/2224-9354/2018.1.15

УДК 316.346.32-053.6 + 316.334.56

С.В. Дорошенко, Я.И. Соломатин

МЕГАПОЛИС КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

Научный интерес к мегаполисам обусловлен объективными причинами. В поле зрения экспертов часто попадают взгляды, установки, ориентации различных категорий населения крупнейших городов. Многими исследователями объяснено влияние поселенческого фактора на ценностные ориентации, включая политические. При этом особо актуально изучение различных аспектов политических ориентаций молодежи современных российских мегаполисов в возрасте 18–29 лет, имеющей конституционное право голосовать, поскольку политические ориентации проявляются и в конкретном политическом поведении граждан, например, в участии (или неучастии) в выборах и поддержке тех или иных политических партий и кандидатов. Мегаполис как среда обуславливает некую общность взглядов, тем не менее выбор молодежи дифференцирован, что детерминируется возрастом, доходом, статусом, образованием и др. В качестве подтверждения этих положений авторами представлены отдельные результаты опросов, посвященных политическим ориентациям и участию в выборах молодежи г. Екатеринбурга. Раскрыты и сопоставлены электоральные и идеологические предпочтения представителей трех возрастных групп (18–21 год, 22–25 лет, 26–29 лет), с одной стороны, через их потенциальную готовность проголосовать за определенную партию (или ее кандидата от нее); с другой – через реальную активность екатеринбургской молодежи на выборах в Государственную думу 18 сентября 2016 года и реальные результаты сделанного выбора в пользу конкретных политических партий и их кандидатов. В заключение статьи авторами обоснованы и классифицированы факторы мегаполисной среды, определяющие политические ориентации молодого поколения.

Ключевые слова: мегаполис, факторы среды, молодежь, политические ориентации, электоральная активность, идеологические предпочтения, Екатеринбург, выборы 2016 года.

Молодежь современной России представляет собой особую, но неоднородную социально-демографическую группу. При этом политические взгляды и ориентации молодежи формируются под воздействием совокупности факторов, требующих дополнительного изучения, поскольку глубина понимания влияния среды, общероссийских и мировых тенденций обеспечивает разработку эффективной молодежной политики, направленной на достижение стратегических ориентиров государственного развития.

С точки зрения теории исследование политических ориентаций молодежи мегаполиса условно «распадается» на два направления, первое из которых можно обозначить как анализ понятия «политические ориентации», а второе – рассмотрение мегаполиса в качестве среды, чьи факторы влияют на формирование политических ориентаций молодежи. В данной статье основное внима-

© Дорошенко С.В., Соломатин Я.И., 2018

Дорошенко Светлана Викторовна – доцент, заведующий сектором ФГБУН «Институт экономики» УрО РАН, e-mail: doroshenkos@mail.ru.

Соломатин Ярослав Игоревич – аспирант ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», e-mail: yas8@mail.ru.

ние уделено именно второму направлению. При этом социологическое исследование невозможно без соответствующих опросов, отдельные результаты которых приведены для подтверждения авторских выводов.

Поселенческий фактор давно привлекает внимание исследователей. В первую очередь, это характерно для стран с высоким уровнем межпоселенческой дифференциации, к которым относится и Россия. С позиций различных областей знаний изучаются, сравниваются между собой городские и сельские поселения разного типа. Одновременно все большее внимание уделяется именно городской среде, что оправдывается постоянно возрастающей ролью городов в национальном развитии [1]. При этом именно мегаполисы все чаще становятся объектами различных исследований.

Научный интерес к мегаполисам обусловлен, на наш взгляд, следующими причинами. Во-первых, количественными тенденциями. Количество мегаполисов «не только не сокращается, оно постоянно растет. Если 100 лет назад в мире насчитывалось менее 20 городов с населением, превышающим 1 млн чел., то сегодня их число приближается к 450. Процесс урбанизации, идущий в настоящее время, хотя и более медленными, чем ранее темпами, продолжится и в дальнейшем» [2, с. 65].

Во-вторых, ведущей экономической ролью мегаполисов внутри страны, где они «представляют собой основные центры экономической активности, создавая благодаря концентрации человеческого и денежного капитала благоприятные предпосылки для роста производительности труда, занятости, уровня и качества жизни» [3, с. 44–45].

В-третьих, постепенным превращением мегаполисов в самостоятельных политических акторов, оказывающих системное влияние на политическую жизнь в стране и регионах. К примеру, А.Б. Берсон выделила главенствующую роль европейских мегаполисов в процессе демократизации [4, с. 3].

По мнению И.В. Федякина, «включенность мегаполиса в политический процесс указывает как на функционально-структурные особенности развития и формирования крупного города, так и на специфику современных общественно-экономических связей, в которых мегаполисы оказывают значительное влияние на политико-административные механизмы» [5, с. 167]. В таких условиях «происходит трансформация парадигмы городского управления в сторону публичного управления» [6, с. 162].

Четвертой причиной интереса является усиление современных глобализационных процессов, что существенно повышает значимость мегаполисов не только для национального, но и для мирового развития. Так, В. Мартьянов пишет, что «в условиях транснационализации регулятивная роль крупных мегаполисов охватывает не только регионально-национальное, но и все большее внешнее пространство политико-экономического взаимодействия» [7, с. 41].

Ранее один из основателей теории новой социологии города М. Кастельс, рассматривая крупные города как пространственное воплощение экономических, политических, идеологических отношений, подчеркивал, что «отличительная черта глобальной “включенности” и локальной “исключенности”, физической и социальной, делает мегаполисы новой городской формой» [8].

Таким образом, современный мегаполис «представляет собой сложную многомерную реальность, особым образом организованное пространство, своеобразие которого не может не проецироваться на все аспекты его бытия...» [2, с. 62–63].

К настоящему времени накоплен значительный пласт исследований мегаполисов, существенный вклад в который внесли и отечественные урбанисты, экономисты, социологи, политологи. И результаты исследований в одних сферах зачастую становятся базой для других.

В современных исследованиях мегаполис рассматривается с различных позиций, например, как административная и территориальная единица, социально-культурный организм, субъект хозяйственной активности и т.д. [9, с. 94]. Но феномен мегаполиса имеет «свою трактовку и с точки зрения современной политической науки, базирующуюся на теориях новой политической субъектности, неинституциональной теории и концепциях групповой активности» [10].

Мы разделяем позицию о значимости исследований политических процессов в мегаполисе. Особое место в таких исследованиях должно быть отведено изучению влияния мегаполисной среды на политические установки, мотивации, ориентации, поведение различных социальных групп и, в первую очередь, молодежи. Определяющим фактором является то, что мегаполис представляет собой «сложную управляемую систему, элементами которой являются большие и малые социальные группы, которые находятся во взаимодействии друг с другом в связи и с целью осуществления своих общих и специфических интересов» [11].

Политические ориентации молодежи сравнительно недавно стали привлекать внимание российских ученых. Сегодня, как правило, они рассматриваются с позиции ценностного подхода. Это детерминировано тем, что именно наличие ценностей позволяет не только сформировать, но прежде всего осмыслить и упорядочить представления об окружающем мире, которые впоследствии становятся основой целеполагания деятельности, а также моделей поведения как социальных групп, так и отдельных индивидуумов.

По мнению S. Feldman, ценностные ориентации представляют собой связующее звено между социальным и индивидуальным уровнем, поэтому они имеют значение для понимания политических процессов, установок и моделей поведения [12]. С точки зрения И.Н. Трофимовой, проблема ценностных ориентаций «в последнее время привлекает к себе особое внимание в значительной степени по причине отсутствия ценностного консенсуса по большинству актуальных проблем развития российского общества» [13, с. 61].

При этом, на наш взгляд, фактор среды проживания социальных групп оказывает существенное влияние на формирование ценностных ориентаций, а также их политической культуры в целом. Так, Е.И. Перина, исследуя процессы формирования политической культуры в мегаполисе, выделила ряд ее специфических черт: более быстрое распространение демократических ценностей; активное воздействие всех социальных институтов на приобщение населения к политической культуре и многообразие его форм; более широкие возможности для участия в политических действиях [14, с. 9].

Интересен и обратный тезис И.Н. Трофимовой: «ценностные ориентации являются значимыми факторами территориального развития» [13, с. 74]. Исследователь отмечала формирование отдельной ценностной модели мегаполиса, отличной от остальных, воплощающей особый тип ментальности, для которого характерны индивидуализм, рациональность, свобода выбора. Результаты ее опросов показали, что жители мегаполисов имеют более разнообразные идейные и политические установки (консервативные, демократические, либеральные), чем жители провинции. Кроме того, в мегаполисах по сравнению с «глубинкой» отмечается большее количество людей, склонных к протестным выступлениям [15, с. 51–52].

Особое значение сегодня приобретает изучение ценностных ориентаций молодежи мегаполиса, где имеются условия для формирования и развития различных форм деятельности, проявления экономической, социальной и политической активности, культуры и т.п. По мнению Ф.А. Колбунова, «несмотря на то, что молодежь мегаполиса внутренне дифференцирована, неоднородна, город как пространство воплощения традиций и инноваций культуры позволяет выявить общие черты, характеризующие молодое поколение в целом как носителя определенного ценностного сознания» [16].

Поскольку в данной статье не ставилась цель теоретических обобщений сущности понятия «политические ориентации», то позволим себе лишь отметить, что авторы придерживаются определения политических ориентаций А.С. Ваторопина, по мнению которого «политические ориентации – это направленность личности на определенные политические идеи и ценности, на те или иные политические силы, в совокупности являющиеся внешними факторами, регулирующими и детерминирующими мотивацию личности и ее поведение в политической сфере» [17, с. 39–40]. На наш взгляд, такой подход, учитывает и влияние оценочного отношения молодежи к тем или иным политическим идеологиям, партиям и деятелям на результат голосования на выборах.

Изучая политические и другие ценностные ориентации современной молодежи, отечественные исследователи отмечают их существенное изменение, начиная с 1990-х годов, под воздействием множества средовых факторов [18, 19].

На наш взгляд, при проведении эмпирического анализа политических ориентаций молодежи мегаполиса (несмотря на общность среды) все-таки

необходимо учитывать и дифференцирующие моменты – возраст, образование, статус, уровень жизни молодежи.

Касаемо возраста примечательно, что исследователи обращают внимание на существенную разницу в ценностных ориентациях молодых людей нижней (14–16 лет) и верхней (29 лет) возрастных границ. И причина кроется именно в возрастных отличиях, различной степени социализации [16].

По нашему мнению, возрастная разница может проявляться и в политических ориентациях. Кроме того, исследование именно политических ориентаций требует небольшого уточнения «молодежных» возрастных границ. В России к молодежи отнесены люди в возрасте 14–29 лет. Однако при изучении политических установок и ориентаций, которые на практике чаще всего проявляются в голосовании на выборах, разрешенном согласно российскому законодательству с 18 лет, считаем, что нижнюю возрастную планку объекта нужно повысить и корректнее рассматривать молодежь в возрасте 18–29 лет.

Кроме того, характер ценностных ориентаций возможно проследить через различные явления и процессы. Так, В.Н. Стегний, исследуя политические ориентации студентов одного из университетов г. Перми, рассматривал их характер через интерес к политической жизни, политической информации, через социально-политические ориентации на ту или иную модель развития российского общества, место социально-политических ориентаций в системе социальных ценностей, характер суждений о понятии «Родина», миграционные установки, участие в политической жизни [20].

Мы считаем, что необходимо дополнительно также анализировать оценочные суждения молодежи о политике федеральных, региональных и муниципальных органов власти, идеологические и электоральные предпочтения, уровень доверия к различным институтам. Это позволяет в определенной мере выявлять протестные настроения молодежи.

Эти тезисы легли в основу авторского эмпирического анализа по данным, собранным в четвертом по численности населения мегаполисе России г. Екатеринбурге, проблемы которого периодически попадают в поле зрения исследователей уральской школы [21], включая молодежные аспекты [22].

В январе-феврале 2015 года и мае-июне 2016 года кафедрой прикладной социологии УрФУ были проведены опросы в г. Екатеринбурге на тему «Политические ориентации молодежи мегаполиса в современной России» ($N = 524$ и $N = 533$ соответственно), а в сентябре 2016 года – опрос на тему «Участие молодежи г. Екатеринбурга в выборах 2016 года» ($N = 517$). При этом каждый раз выборки формировались методом снежного кома: опрашивались молодежь разного пола, возраста, социального статуса, уровней образования и доходов. Полученные результаты были обработаны с помощью программы SPSS. В данной статье мы не ставили целью привести все результаты проведенных опросов. Но в качестве подтверждения указанных выше позиций приведем некоторые ре-

зультаты, касаемые электоральных предпочтений молодежи в зависимости от возраста. В табл. 1 представлены ответы участников первых двух опросов по поводу их возможного выбора на голосовании в представительные органы.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Если бы выборы в представительный орган федерального, регионального или местного уровня проходили сегодня, за какую партию (или за кандидата от какой партии) Вы бы проголосовали?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Доля ответов, %	
	2015 г.	2016 г.
«Единая Россия»	28,0	40,6
КПРФ	3,2	5,0
ЛДПР	7,1	7,2
«Справедливая Россия»	3,5	5,0
«Яблоко»	1,9	1,7
«Гражданская платформа»	9,3	3,3
Затрудняюсь ответить	37,0	30,6
Другая	10,0	7,2

Из табл. 1 видно, что в 2016 году больше людей определились с выбором, а наибольший процент потенциальных голосов у «Единой России», причем этот процент увеличился с 28 до 40,6 %, в противовес «Гражданской платформе», сокративший долю потенциальных сторонников с 9,3 до 3,3 %.

Однако, когда 18 сентября 2016 года прошли выборы в Государственную думу, результаты голосования молодежи оказались не столь удачными для партии власти, как можно было бы предположить, исходя из итогов предыдущих исследований. Результаты проведенного в сентябре 2016 года опроса показали, что в единый день голосования на избирательные участки пришло 43,2 % молодых екатеринбуржцев. И при голосовании по каждому из двух бюллетеней «Единую Россию» поддержало менее 30 % молодежи. Остальные голоса достались оппозиционерам, из которых наибольший результат в сумме показали либералы из «Яблока» и «ПАРНАСа» (табл. 2) [23, с. 925–926].

Анализируя политические ориентации через электоральные и идеологические предпочтения в зависимости от возраста, участников опроса мы разделили на три группы: 18–21 год, 22–25 лет, 26–29 лет. И опрос показал, что наиболее активное участие в выборах 2016 года приняла младшая группа, из которой пришло голосовать 44,8 %. Немного меньше результат у средней группы – 43,1 %, а наименее активной оказалась старшая группа – 35,3 %.

На рис. 1 и 2 представлены результаты выборов, а также причины сделанного выбора при голосовании за депутатов Государственной думы в зависимости от принадлежности к возрастной группе.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «За какую партию (или за кандидата от какой партии) Вы проголосовали, выбирая: 1) депутатов Государственной думы по партийному списку; 2) депутата Государственной думы по одномандатному округу?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Доля ответов, %	
	1	2
«Единая Россия»	22,6	27,0
КПРФ	10,9	9,5
ЛДПР	19,0	11,7
«Справедливая Россия»	8,8	10,2
«Яблоко»	24,8	20,4
«ПАРНАС»	6,6	8,0
Другая/самовыдвиженец	5,8	10,2
Испортил(а) бюллетень	0,7	0,7
Другое	0,7	2,2

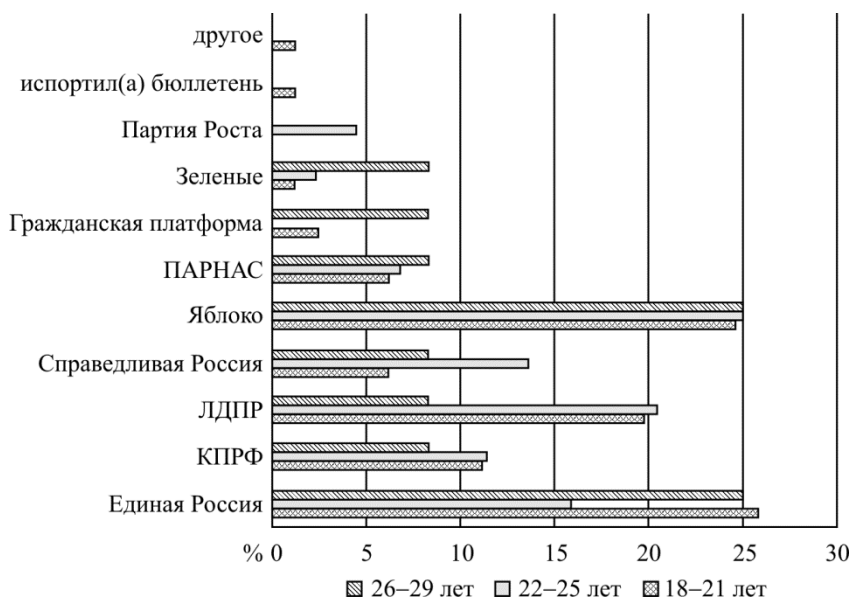

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Выбирая депутатов Государственной думы по партийному списку, за какую партию Вы проголосовали?» по возрастным группам (% от числа опрошенных)

На рис. 1 видно, что партия власти наибольшую поддержку получила у самой молодой группы избирателей, но которая существенно поддержала также «Яблоко». У молодежи 22–25 лет наиболее популярны «Яблоко» и ЛДПР, и меньше, чем у остальных, «Единая Россия». Примечательно, что эсеры также наиболее популярны у этой категории, но при этом совсем не

популярна «Гражданская платформа». Группа 26–29 лет сделала свой выбор преимущественно в пользу «Яблока» и «Единой России».

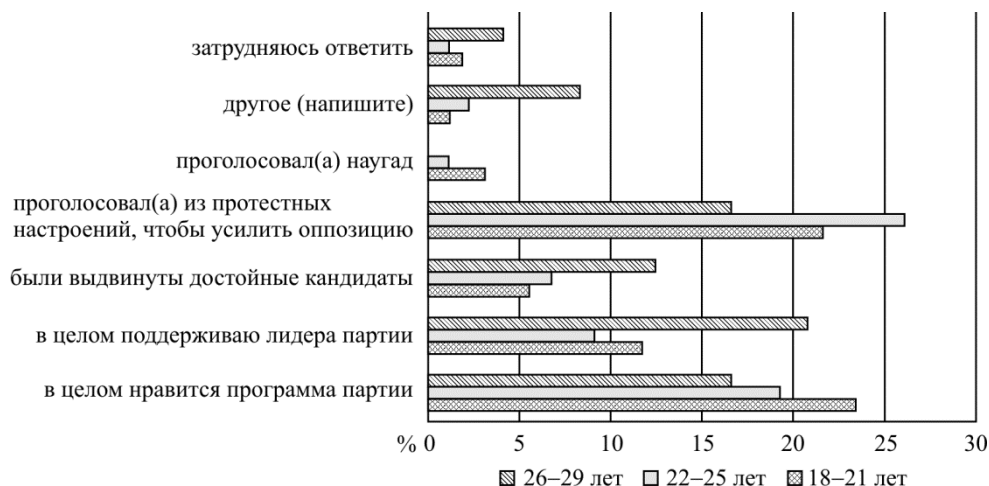

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Причины выбора кандидата в Государственную думу» по возрастным группам (% от числа опрошенных)

На рис. 2 видно, что 18–21-летние наиболее склонны делать выбор кандидатов по причине того, что им нравится программа партии или из-за протестных выступлений, чтобы усилить оппозицию. Протестные настроения более сильны у лиц в возрасте 22–25 лет, но на втором месте у них также выбор программы партии. Самая старшая группа в большей степени ориентирована на поддержку лидера партии, чуть менее важна для этой группы программа партии, также меньше влияют протестные настроения. Кроме того, интересно, что в старшем возрасте люди в большей степени обращают внимание на выдвинутых кандидатов и практически не делают выбора наугад в отличие от самых молодых.

В целом результаты трех опросов показали, что среди молодежи крупнейшего мегаполиса Урала политические ориентации не однозначны, сильны протестные настроения. И можно предположить, что если бы электоральная активность молодых избирателей была выше, то партия власти набрала бы, возможно, меньший процент голосов в целом по итогам выборов.

В заключение вернемся к вопросу влияния мегаполиса на политические ориентации молодежи. Примечательно, что анализируя социально-экономическое развитие мегаполисов, одни исследователи выделяют особенности такового, другие определяют схожие явления как его признаки [3]. По нашему мнению, при изучении мегаполиса в качестве среды, оказывающей влияние на те или иные явления и процессы, признаки или особенности логичнее обозначить как средовые факторы.

Обобщая различные точки зрения, выделим и дополним наиболее значимые факторы мегаполиса как среды, формирующей политические ориентации молодого населения:

- сосредоточие интеллектуальных, информационных и финансовых ресурсов, способствующих появлению и дальнейшей диффузии инноваций [24];
- многофункциональность и многопрофильность деятельности [3, с. 49], что обеспечивает перспективы и возможности трудоустройства специалистов различной квалификации и уровня подготовки;
- «ценностная и институциональная поляризация городского сообщества», вызванная центр-периферийным расслоением, расхождением интересов различных социальных групп [7, с. 44–45];
- возрастающее влияние на прилегающие территории в первую очередь за счет инфраструктурных, миграционных и инвестиционных факторов и за счет центростремительного характера – для покрытия дефицита собственных ресурсов;
- многоплановость и многообразие культурно-образовательной инфраструктуры, обеспечивающие, с одной стороны, постоянный приток молодого поколения; с другой – формирование множества моделей поведения и жизненных стратегий;
- присутствие и активность разных политических сил, проявляющиеся, в том числе, в организации и проведении политических мероприятий, привлекающих молодежь;
- более развитые механизмы реализации программ в сфере молодежной политики, принятых во всех мегаполисах России. Внимание со стороны властей к проблемам молодежи является значимым моментом, поскольку это повышает чувство востребованности, что положительно сказывается на росте социально-политической активности молодого поколения.

В целом выделенные факторы мегаполисной среды можно разделить на две группы. К первой группе относятся факторы, обеспечивающие физический приток молодежи, ее постоянное пополнение и обновление: сосредоточие ресурсов, широкие возможности экономической сферы, инфраструктурное развитие. Характер влияния этой группы факторов в большей степени опосредованный (косвенный). Вторая группа факторов – политические силы, молодежная политика, поляризация сообщества – имеет характер прямого влияния, что непосредственно проявляется в формировании конкретных политических установок, поведения, мотивов, ориентаций молодежи. При этом один из факторов – культурно-образовательное многообразие – оказывает и прямое, и косвенное влияние на политическое сознание.

Знание факторов мегаполиса как среды, формирующей политические ориентации молодежи, важно, поскольку, как писал один из основателей социологии города Р. Парк: «В больших городах, где высвобождаются все страсти и вся энергия человечества, мы можем исследовать цивилизационный процесс, как под микроскопом» [25].

Список литературы

1. Мингалева Ж.А. Инновационные города как центры развития территорий // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2014. – № 4 (114). – С. 107–110.
2. Гоффе Н. Социальные проблемы в экономическом пространстве мегаполиса // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 10. – С. 62–72.
3. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Мегаполисы и феномен мегаполисности в России // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 1 (93). – С. 42–77.
4. Берсон А.Б. Роль современного европейского мегаполиса в реализации политики мультикультурализма (на примере Лондона): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – СПб., 2014. – 27 с.
5. Федякин И.В. Мегаполисы в политических процессах: опыт и перспективы // Мир и политика. – 2013. – № 11. – С. 161–175.
6. Санина А.Г., Джафарли Н.Я., Коршунова Е.В. Современный город как объект публичного управления // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – Вып. 56. – С. 151–167.
7. Мартыанов В. Креативный класс – креативный город: реальная перспектива или утопия для избранных? // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 10. – С. 41–51.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс] / пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/06.php (дата обращения: 10.03.2017).
9. Метелева Е.Р. Стратегическая оценка роли городов в условиях глобализации // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2007. – № 5. – С. 92–95.
10. Чумаков Д.С. Мегаполис как социальный и политический феномен [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/megapolis-kak-sotsialnuu-i-politicheskiiy-fenomen> (дата обращения: 21.05.2017).
11. Артоболевский С.С. Крупнейшие агломерации и региональная политика [Электронный ресурс] // Крупные города и вызовы глобализации / под ред. В.А. Колосова, Д. Эккерта. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0247/analit03.php> (дата обращения: 10.05.2017).
12. Feldman S. Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes. – URL: https://www.researchgate.net/publication/232602442_Values_ideology_and_the_structure_of_political_attitudes (accessed 3 June 2017).
13. Трофимова И.Н. «Мегаполис» и «глубинка» как модели ценностных ориентаций и политических установок россиян // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 3 (7). – С. 60–78.
14. Перица Е.И. Социологический анализ особенностей политической культуры населения мегаполиса в современных условиях: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.

15. Мирясова О.А. Российская глубинка и мегаполисы: ценностные основания протестных выступлений // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 4 (110). – С. 50–56.
16. Колбунов Ф.А. Ценностные ориентации молодежи российского мегаполиса [Электронный ресурс]: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. – URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/kolbunov-cennostnye-orientacii-molodezhi-rossijskogo-megapolisa.html> (дата обращения: 05.06.2017).
17. Ваторопин А.С. Политические ориентации студенчества // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 39–43.
18. Бокарев В.А. Трансформация изменений социально-политических ориентаций молодежи на рубеже XX–XXI вв. – М.: Крылья, 2008. – 184 с.
19. Банникова Л.Н., Боронина Л.Н., Вишневский Ю.Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 58–68.
20. Стегний В.Н. Политические ориентации студенческой молодежи: типы, факторы, особенности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – № 2. – С. 8–17.
21. Социальное пространство современного города / под ред. Г.Б. Кораблевой, А.В. Меренкова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 252 с.
22. Дорошенко С.В., Соломатин Я.И. «Молодежный фактор» социально-экономического развития российского мегаполиса // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журн. – 2015. – № 1 (41). – С. 13–30.
23. Соломатин Я.И. Динамика политических ориентаций современной молодежи Екатеринбурга // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XX Межд. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 917–928.
24. Валетов А.К. Особенности социально-экономического развития мегаполиса // Менеджмент в России и за рубежом. – 2014. – № 5. – С. 64–69.
25. Park R.E. Human Migration and the Marginal Man // *The American Journal of Sociology*. – 1928. – Vol. 33, № 6 (May). – URL: http://www.suz.uzh.ch/dam/jcr:fffff-df42-7cac-0000-000032ce5a0d/Park_Marginal_Man.pdf (accessed 5 February 2017).

References

1. Mingaleva Zh.A. Innovatsionnye goroda kak tsentry razvitiia territorii [Innovative cities as the centers of territory development]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2014, no. 4 (114), pp. 107–110.
2. Goffe N. Sotsial'nye problemy v ekonomicheskom prostranstve megapolisa [Social issues in the economic space of large cities]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, vol. 60, no. 10, pp. 62–72.

3. Leksin V.N., Porfir'ev B.N. Megapolisy i fenomen megapolisnosti v Rossii [Megalopolises and megalopolisness phenomenon in Russia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2017, no. 1 (93), pp. 42–77.

4. Berson A.B. Rol' sovremennogo evropeiskogo megapolisa v realizatsii politiki mul'tikul'turalizma (na primere Londona) [The role of a modern European metropolis in the implementation of the policy of multiculturalism: London example]. Abstract of Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 2014, 27 p.

5. Fediakin I.V. Megapolisy v politicheskikh protsessakh: opyt i perspektivy [Megalopolises in the political process: Experience and prospects]. *Mir i politika*, 2013, no. 11, pp. 161–175.

6. Sanina A.G., Dzhafarli N.Ia., Korshunova E.V. Sovremenniy gorod kak ob"ekt publichnogo upravleniia [Modern city as an object of public administration]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 2016, iss. 56, pp. 151–167.

7. Mart'ianov V. Kreativnyi klass – kreativnyi gorod: real'naia perspektiva ili utopiia dlia izbrannykh? [Creative class – creative city: Real prospects or utopia for the few?]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, vol. 60, no. 10, pp. 41–51.

8. Castells M. Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The information age: Economy, society and culture], available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/06.php (accessed 10 March 2017).

9. Meteleva E.R. Strategicheskaiia otsenka roli gorodov v usloviikh globalizatsii [Strategic evaluation of cities role under conditions of globalization]. *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, 2007, no. 5, pp. 92–95.

10. Chumakov D.S. Megapolis kak sotsial'nyi i politicheskii fenomen [Metropolis as a social and political phenomenon], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/megapolis-kak-sotsialnyy-i-politicheskii-fenomen> (accessed 21 May 2017).

11. Artobolevskii S.S. Krupneishie aglomeratsii i regional'naia politika [The largest agglomerations and regional policy]. *Krupnye goroda i vyzovy globalizatsii*. Eds. V.A. Kolosov, D. Ekkert, available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0247/analit03.php> (accessed 10 May 2017).

12. Feldman S. Values, ideology, and structure of political attitudes, available at: https://www.researchgate.net/publication/232602442_Values_ideology_and_the_structure_of_political_attitudes (accessed 3 June 2017).

13. Trofimova I.N. “Megapolis” i “glubinka” kak modeli tsennostnykh orientatsii i politicheskikh ustanovok rossiian [“Megalopolis” and “remote place” as models of value orientations and political attitudes of Russians]. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, 2014, no. 3 (7), pp. 60–78.

14. Perina E.I. Sotsiologicheskii analiz osobennostei politicheskoi kul'tury naseleniia megapolisa v sovremennykh usloviikh [Sociological analysis of the megalopolis population political culture features in modern conditions]. Abstract of Ph. D. thesis, Ekaterinburg, 2009, 24 p.

15. Miriasova O.A. Rossiiskaia glubinka i megapolisy: tsennostnye osnovaniia protestnykh vystuplenii [Russian provinces and metropolis: The value basis of protest actions]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, 2012, no. 4 (110), pp. 50–56.
16. Kolbunov F.A. Tsennostnye orientatsii molodezhi rossiiskogo megapolisa [Value orientations of youth in Russian metropolis]. Ph. D. thesis. Saint-Petersburg, available at: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/kolbunov-cennostnye-orientacii-molodezhi-rossijskogo-megapolisa.html> (accessed 5 June 2017).
17. Vatoropin A.S. Politicheskie orientatsii studenchestva [Students' political orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2000, no. 6, pp. 39–43.
18. Bokarev V.A. Transformatsiia izmenenii sotsial'no-politicheskikh orientatsii molodezhi na rubezhe XX–XXI vv. [Transformation of the socio-political changes in youth orientations at the turn of XX–XXI centuries]. Moscow, Kryl'ia, 2008, 184 p.
19. Bannikova L.N., Boronina L.N., Vishnevskii Iu.R. Novye iavleniia v tsennostnykh orientatsiiakh ural'skogo studenchestva [New phenomena in value orientations among students of Ural]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2013, no. 2, pp. 58–68.
20. Stegnii V.N. Politicheskie orientatsii studencheskoi molodezhi: tipy, faktory, osobennosti [Political orientations of students: types, factors, features]. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2016, no. 2, pp. 8–17.
21. Sotsial'noe prostranstvo sovremennogo goroda [Modern city social space]. Eds. G.B. Korableva, A.V. Merenkov. Ekaterinburg, 2015, 252 p.
22. Doroshenko S.V., Solomatin Ia.I. “Molodezhnyi faktor” sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia rossiiskogo megapolisa [The youth factor socio-economic development of the Russian metropolis]. *Regional'naia ekonomika i upravlenie*, 2015, no. 1 (41), pp. 13–30.
23. Solomatin Ia.I. Dinamika politicheskikh orientatsii sovremennoi molodezhi Ekaterinburga [The dynamics of modern Yekaterinburg youth's political orientations]. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniia. Materialy XX mezhdunarodnoi konferentsii*. Ekaterinburg, 2017, pp. 917–928.
24. Valetov A.K. Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia megapolisa [Features of the megalopolis socio-economic development]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, 2014, no. 5, pp. 64–69.
25. Park R.E. Human migration and the marginal man. *The American Journal of Sociology*, 1928, vol. 33, no. 6 (May), available at: http://www.suz.uzh.ch/dam/jcr:fffff-df42-7cac-0000-000032ce5a0d/Park_Marginal_Man.pdf (accessed 5 February 2017).

Оригинальность 84 %

Получено 25.10.2017 Принято 20.11.2017 Опубликовано 30.03.2018

S.V. Doroshenko, Ya.I. Solomatin

MEGALOPOLIS AS THE ENVIRONMENT OF THE YOUTH POLITICAL ORIENTATIONS FORMATION

Scientific interest to megalopolises is objectively reasoned. The attention of researches is frequently drawn to studying the views, attitudes and orientations of various largest cities' population groups. Many of them explained the impact of settler factor on the value orientations, including political ones. It is particularly important to study different aspects of political orientations among the youth aged 18–29 with the constitutional right to vote in modern Russian megalopolises, as political attitudes are reflected in the citizens' specific political behavior, e.g. in electoral participation (nonparticipation) or certain political parties' and candidates' support. Although the megalopolis environment offers a certain unity of views the youth choice is differentiated depending on the age, income, status, education, etc. This is proved by some survey results provided by the authors after researching Yekaterinburg youth political attitudes and electoral participation. Electoral and ideological preferences are discovered and compared among the three age groups' representatives (18–21 aged group, 22–25 aged group, 26–29 aged group) through their potential willingness to vote for a certain party (or its candidate), the real youth activity during the State Duma elections (September 18, 2016) and the actual results of the choice made in favor of particular political parties and candidates. In conclusion the urban environment factors, defining the young generation political orientations are grounded and classified.

Keywords: megalopolis, environment factors, youth, political orientations, electoral activity, ideological preferences, Yekaterinburg, 2016 elections.

Svetlana V. Doroshenko – Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of Economics, Ural Branch of RAS, e-mail: doroshenkos@mail.ru.

Yaroslav I. Solomatin – Postgraduate Student, Ural Federal University, e-mail: yas8@mail.ru.

Received 25.10.2017

Accepted 20.11.2017

Published 30.03.2018